

Глава 27 Пари?

Нин Чанцин замер на месте, провожая взглядом мужчину, который медленно шёл ему навстречу. Лучи солнца, пробиваясь сквозь листву, ложились причудливыми пятнами на плечи незнакомца, пока черты его лица не проступили отчётливо и ясно.

Весь мир словно замедлился. Глядя на этого человека — повзрослевшего, возмужалого, но всё же того самого, — Чанцин напрочь забыл, как двигаться.

Для Нин Чанцина из его первой жизни с того дня прошло двенадцать лет. Но для него нынешнего, сменившего сотни миров в Администрации, их разлука длилась целую вечность. Столько времени, что он уже не мог сосчитать годы.

Но теперь, когда человек, оставивший самый глубокий след в его памяти, снова стоял перед ним, сердце юноши, тревожно бившееся с момента перерождения, наконец успокоилось.

Он нашёл его. И теперь у него было достаточно уверенности, чтобы не позволить смерти забрать эту жизнь.

За всё то время, что прошло с его возвращения, Чанцин ещё никогда так остро не радовался своей силе — силе, способной спасти того, кого он хотел спасти больше всего на свете.

Линь Хэн только что покинул кабинет отца. Дворецкий Лю попросил его зайти в гостиную, чтобы встретить почётных гостей, которых пригласил Старейшина Линь.

Перед уходом отец всё-таки отдал ему результаты медицинского обследования.

Линь Хэн и так знал, что новости будут плохими — иначе Старейшина Линь не выглядел бы с утра так, словно мир рухнул, — но, увидев сухие строчки отчётов, он всё равно на мгновение помрачнел.

Ни одного хорошего показателя. И ледяной вывод в конце: «Отказ внутренних органов. Без экстренного лечения осталось не более трёх месяцев».

В ту минуту мужчина не почувствовал почти ничего. Он двенадцать лет жил с осознанием того, что рано или поздно этот день настанет. И теперь, когда приговор был озвучен официально, тяжёлый камень, годами давивший на сердце, парадоксальным образом исчез, оставив после себя лишь странное облегчение.

Он шёл по дорожке к гостевому флигелю, когда один из двоих людей, направлявшихся внутрь,

внезапно обернулся.

Линь Хэн остановился. Перед ним стоял тот самый юноша, которого он за последние дни случайно встретил уже дважды. Теперь — в третий раз.

Такие частые встречи за столь короткий срок заставили его по-настоящему внимательно присмотреться к молодому человеку.

Поразительное лицо. Из тех, что врезаются в память раз и навсегда.

И сейчас, когда незнакомец молча смотрел на него в ответ, то самое чувство узнавания, возникшее ещё на банкете, нахлынуло с новой силой. Но Линь Хэн был уверен: раньше они не встречались.

«Так это и есть те самые гости, которых ждал отец?»

Прежде чем Линь Хэн успел открыть рот, юноша внезапно шагнул ему навстречу.

Станный взгляд молодого человека заставил господина Линя нахмуриться, но он промолчал.

Нин Чанцин подошёл вплотную и вдруг улыбнулся. В его глазах, пронизанных солнечным светом, Линь Хэн увидел собственное отражение. В следующую секунду юноша заговорил, и в его голосе слышалась отчётливая усмешка:

— Господин Линь?

— А вы, господин?.. — кивнул Линь Хэн.

Нин Чанцин протянул руку. Его длинные пальцы казались почти прозрачными в лучах полуденного солнца.

— Нин Чанцин.

Тот ответил на рукопожатие, но не успел вставить ни слова, как парень продолжил, понизив голос:

— У меня есть и другая ипостась. Я — воплощение Хуа То, специалист по самым безнадежным случаям. Пока в человеке теплится хоть капля жизни, я могу заставить его дышать. Я вижу, господин Линь, что вам осталось недолго. Раз уж судьба свела нас, скажите... Не желаете ли подлечиться? Гарантирую, что доживёте до девяноста девяти.

Линь Хэн: «...»

Наверное, никто и никогда не осмеливался нести подобную чушь прямо ему в лицо с таким невозмутимым видом. Воплощение Хуа То? Он точно врач, а не пациент психиатрической клиники?

Линь Хэн даже на миг усомнился в реальности происходящего. Он опустил взгляд на результаты обследования, которые всё ещё сжимал в руке. Мужчина снова перечитал последнюю графу, убеждаясь, что там действительно написано: «Прогрессирующее разрушение внутренних органов. Неизлечимо».

Он медленно разжал руку, убрал бумаги в карман пиджака и внимательно посмотрел на двадцатилетнего юношу. Что ж, неплохо. Это был первый человек, который рискнул нагло лгать ему в глаза прямо в его собственном доме.

Не Суй, который вёл Чанцина к гостиной, заметил отсутствие спутника лишь спустя несколько шагов.

Он обернулся и, застыв на пороге, услышал, как господин Нин величает себя великим лекарем и обещает молодому господину Линю долголетие.

В голове у Не Сюя загудело. Он замер, не зная, что и думать.

«Нет, ну не может же быть... Неужели господин Нин просто запал на Линь Хэна и решил так топорно к нему подкатить?»

«Господин Нин, вы хоть понимаете, что Линь Хэн может просто велеть вышвырнуть вас вон? Это же звучит как бред шарлатана!»

Особенно учитывая выражение лица молодого главы Линь... Дело пахло керосином.

Нин Чанцин же, ничуть не смутившись, смотрел прямо в холодные глаза собеседника. Он прекрасно знал: человек перед ним только кажется ледяной глыбой, а на деле у него золотое сердце. Тот, кто когда-то смог проявить искреннее участие к совершенно чужому ребёнку, не станет гневаться по пустякам.

Юноша сделал ещё шаг вперёд:

— Господин Линь не верит?

Линь Хэн отвёл взгляд. Он аккуратно сложил медицинский отчёт и убрал его в карман пиджака.

— Господин Нин, вы явно ошиблись. Я совершенно здоров.

— Вот как? — Чанцин не стал настаивать. Очевидно, его догадка подтвердилась: Линь Хэн не хотел, чтобы кто-то знал о его смертельном недуге. — Считайте это шуткой. Надеюсь, господин Линь не рассердится? Считайте это шуткой. Надеюсь, вы не в обиде?

Проходя мимо него, Линь Хэн на секунду замедлил шаг:

— Пустяки. Вы — почётный гость моего отца, и я не стану сердиться из-за такой мелочи.

Заметив Не Сюя, Линь Хэн окончательно понял цель визита Нин Чанцина. Раз этот молодой человек только что вылечил Старого господина Не, отец, в своём отчаянии готовый хвататься за любую соломинку, решил позвать его осмотреть Цзян Чао. А заодно, возможно, надеялся, что тот взглянет и на его сына.

Но Линь Хэн знал: отца ждёт разочарование. Ноги Старого господина Не удалось поправить, потому что они не были безнадежны. Его же случай — системный отказ органов, корень которого сгнил двенадцать лет назад. В этом мире нет спасения.

Нин Чанцин невозмутимо последовал за Линь Хэном в гостиную. Проходя мимо Не Сюя, он лишь мельком взглянул на него:

— Господин Не?

Тот хотел было что-то сказать, но лишь сглотнул и покачал головой.

Глядя на спокойную спину Чанцина, Не Сюй не мог не восхититься. Хотя Линь Хэн был старше их всего на пару лет, его замкнутый и властный нрав внушал трепет даже сверстникам. Немногие могли так непринуждённо беседовать с этим человеком.

«Но всё же, господин Нин... Неужели вы и впрямь на него засмотрелись, раз начали знакомство с таких „шуток“?»

Вскоре появились Старейшина Линь и Старый господин Не. Последний, наслаждаясь вновь обретенной способностью ходить, лично толкал коляску друга.

Следом шёл Дворецкий Лю, на лице которого читалось явное сомнение. Но стоило ему увидеть в комнате Линь Хэна, как его глаза радостно блеснули: «Ну, раз молодой хозяин здесь, он точно не даст этим пройдохам обмануть старика».

Старейшина Линь, едва его ввели в комнату, принялся оглядываться. Но кроме внука Не он увидел лишь одного поразительно красивого юношу. Никакого «великого мастера» поблизости не было.

Он недоуменно обернулся к другу:

— А где же лекарь? Ещё не прибыл? Нужно послать кого-нибудь встретить его. Вдруг он рассердится из-за невнимания и откажется лечить?

Старый господин Не подкатил его к столу и преспокойно уселся рядом:

— Вот господин Нин. Он и есть тот человек, который поможет Цзян Чао.

И он указал на Нин Чанцина.

Взгляды Старейшины Линя и дворецкого скрестились на Чанцине. При виде его слишком молодого лица у Лю сердце упало: «Господин Не, ну как же так? Даже если решили разыграть хозяина, могли бы найти кого-то более солидного».

«Этот парень больше похож на заезжего айдола, чем на чудотворца».

Старейшина Линь тоже оторопел, но жизненный опыт подсказал ему: возможно, за этим юношей стоит настоящий мастер, а сам он приехал лишь разведать обстановку?

Единственным, кто сохранял полное спокойствие — не считая семьи Не, — был Линь Хэн.

Он уже догадался, в чём дело. На помолвке он слышал рассказ об исцелении Старого господина Не, и вера того в Нин Чанцина теперь казалась вполне обоснованной. К тому же Цзян Чао в коме три года, лучшие врачи бессильны — так почему бы не попробовать? Хуже точно не будет.

Линь Хэн обратился к Чанцину:

— Я провожу вас наверх.

Цзян Чао жил во флигеле под присмотром сиделок, и его покой редко нарушали.

Нин Чанцин поднялся:

— Благодарю.

В комнате Цзян Чао пахло чистотой и медикаментами, но обстановка напоминала обычную спальню, если не считать нагромождения аппаратуры у кровати. Юноша лежал неподвижно, его лицо осунулось, глаза были закрыты. Он казался просто спящим.

Семья Не осталась у порога, чтобы не создавать сутолоку.

Линь Хэн вошёл в комнату вместе с Чанцином. Он замер у кровати, глядя на племянника. Когда-то полное сил лицо теперь было бледным и измождённым, впалые щёки выдавали тяжёлую болезнь.

Глядя на него, мужчина невольно подумал, что через три месяца он сам, возможно, будет выглядеть точно так же. Эта мысль заставила его погрузиться в меланхолию.

Нин Чанцин же пришёл делом заниматься. Он понимал, что Линь Хэн ему не верит, но это было ожидаемо. Любой здравомыслящий человек на его месте усомнился бы в словах первого встречного.

Чтобы заставить Линь Хэна довериться ему, чтобы тот открыто признал свою болезнь и позволил лечить себя, Чанцину нужно было совершить невозможное — пробудить Цзян Чао. Только тогда семья Линь признает его силу.

Юноша положил пальцы на запястье больного. Спустя минуту он закончил осмотр и выпрямился, обращаясь к Линь Хэну:

— Мне нужна история болезни. Вся, в подробностях, с первого дня аварии до сегодняшнего момента.

— Хорошо, — кивнул Линь Хэн.

Вскоре дворецкий принёс увесистую папку. Чанцин быстро листал страницы, впитывая информацию. Когда он закрыл досье, план действий в его голове уже созрел.

Они вернулись в малую гостиную на третьем этаже. Все посторонние, включая слуг,

удалились.

Старейшина Линь не выдержал первым:

— Ну как? Можно ли помочь Цзян Чао?

Он всё ещё верил другу, но юность лекаря его смущала. Если за ним стоит учитель, то неважно, кто именно будет делать уколы. У семьи Линь хватит денег, чтобы оплатить любую цену, лишь бы парень открыл глаза.

Нин Чанцин кивнул:

— Это излечимо.

Старик облегчённо выдохнул:

— Когда же... когда можно приступить? — Он хотел спросить, когда придёт настоящий мастер, но побоялся обидеть юношу.

— Случай господина Цзяна отличается от травмы Старого господина Не, — спокойно произнёс Чанцин. — Лечение будет иным. Как я и говорил, пробудить его не составит труда. Но дальнейшее восстановление будет зависеть от того, насколько полноценным вы хотите его видеть.

С этими словами он перевёл взгляд на Линь Хэна. Тот, почувствовав внимание, поднял голову.

Старейшина Линь, конечно, хотел полного выздоровления, но боялся надеяться:

— Лишь бы он пришёл в себя, это уже будет милостью небес. Делайте всё, что в ваших силах, господин Нин. Мы примем любой результат.

— Я постараюсь. Но у меня есть правила, о которых следует договориться на берегу.

— Излагайте, — Старейшина Линь был готов ко всему. У каждого таланта свои причуды.

— Я не хочу, чтобы кто-то знал, что именно я вылечил господина Цзяна. — Чанцин не собирался раскрывать все карты сразу. Старый господин Не ведёт уединённую жизнь, его исцеление не вызвало шума. Но Цзян Чао — киноимператор, его пробуждение после трёх лет комы станет мировой сенсацией.

Как только он откроет глаза, пресса облепит его, как мухи. И тот, кто совершил это чудо,

неизбежно окажется в центре внимания. Сейчас Чанцину это было не нужно.

— Об этом не беспокойтесь, — заверил Старейшина Линь. — Мы скажем, что он очнулся сам по себе. Никто и не заподозрит иного.

— Хорошо. Остальные условия обсудим, когда господин Цзян придёт в себя.

— А как быть с оплатой? — спросил старик.

Чанцин мельком взглянул на Линь Хэна:

— Об этом поговорим позже.

На этот раз он не стал отказываться от гонорара, но и не упомянул о главе Линь.

— Когда вы начнёте? — с надеждой спросил Старейшина Линь.

— Сегодня. Ближайшие три дня я буду приезжать к вам, пока господин Цзян не очнётся. Последующее лечение определим по обстоятельствам.

Чанцин рассчитывал, что Цзян Чао придёт в себя через три дня, но не стал давать стопроцентных гарантий. Только в этот момент Старейшина Линь окончательно осознал: никакого другого «мастера» не будет. Лечить будет этот юноша. Однако спокойствие и уверенность Чанцина заставили его проглотить все возражения.

«В конце концов... если не получится, ничего не изменится».

Нин Чанцин и Линь Хэн вернулись в комнату больного. Юноша достал изящный футляр, усеянный иглами разной длины.

Линь Хэн молча наблюдал за ним. Знакомое чувство вновь кольнуло его сердце. Он поймал себя на том, что слишком долго разглядывает профиль гостя.

Чанцин обернулся:

— Что-то не так?

Линь Хэн серьёзно посмотрел ему в глаза:

— Чем я могу помочь?

Чанцин, обрабатывая руки спиртом, отступил от кровати:

— Будьте добры, расстегните рубашку господина Цзяна. Нужно освободить грудную клетку.

Собеседник без слов выполнил просьбу. Закончив, он заметил, что Чанцин внимательно следит за каждым его движением. Мужчина отошёл, уступая место.

Чанцин извлёк первую серебряную иглу:

— Господин Линь, кажется, совсем не удивлён моим методом.

— Я уже видел вас дважды, — не стал скрывать Линь Хэн.

Чанцин замер от неожиданности:

— Вот как? Где же?

«Он меня узнал? Или мы встречались, когда я не заметил?»

Линь Хэн отвёл взгляд:

— Первый раз на банкете. Я видел, как вы спасали человека с помощью игл. Второй раз — в доме Не. Я не видел вас самого, но слышал ваш голос.

Нин Чанцин невольно улыбнулся. Видимо, их нити судьбы действительно сплелись крепче, чем он думал.

Он больше не произнёс ни слова. Сосредоточенно и точно он вводил иглы в биологически активные точки на голове и груди Цзян Чао. Эти иглы были заранее вымочены в особом эликсире из системных запасов — обычный металл на такое не способен. Для пробуждения человека из комы это было лучшим средством.

Закончив процедуру, Чанцин выпрямился и снова вытер руки:

— Господин Линь, не хотите ли заключить пари?

При стариках он не стал бы этого предлагать, но сейчас, когда их было только двое — и один безмолвный свидетель, — Чанцин решил пойти в атаку. Раз Линь Хэн скрывает свою болезнь,

он не станет разоблачать его прилюдно.

Линь Хэн посмотрел на него со своим привычным бесстрашием:

— О чём же пари?

Нин Чанцин перевёл взгляд на Цзян Чао:

— Если через три дня господин Цзян придёт в сознание, вы позволите мне лечить вас. Согласны?

— Почему господин Нин так настойчив? — Линь Хэн прищурился. — А если я откажусь?

Он не хотел оказаться на месте племянника — лежать овощем в ожидании призрачного шанса. Если надежды нет, то нет и разочарования.

Чанцин спокойно встретил его взгляд:

— И какова же причина отказа? Бойтесь, что ваше тело слишком разрушено и я не справлюсь? Или вам и впрямь всё равно, когда умереть? А может... вы просто боитесь стать беспомощным, боитесь смотреть, как жизнь утекает по капле, и не иметь сил это остановить?

Линь Хэн не ожидал, что этот юноша при первой же встрече так точно прочтёт его мысли.

— Вы видите, что я болен, — медленно проговорил он. — Но знаете ли вы, что мои внутренние органы практически мертвы? Единственный выход — полная пересадка всего и вся. Вы считаете это возможным?

Чанцин лишь рассмеялся:

— Кто сказал, что нужно что-то менять? Своё всегда лучше чужого. Повторюсь: раз я пообещал, значит, вы доживёте до девяноста девяти.

Линь Хэн замолчал, глядя на него. Он не понимал, почему этот незнакомец так одержим его спасением. В глазах юноши горел такой странный огонь, что Линь Хэн сам не заметил, как спросил:

— Мы встречались раньше?

И тут же покачал головой, отгоняя эту нелепую мысль. Но Чанцин внезапно кивнул:

— Да. Мы встречались.

Линь Хэн замер.

Нин Чанцин перестал улыбаться. В его глазах отразилась тихая грусть пополам с нежностью:

— Двенадцать лет назад. Ты действительно меня не помнишь?

Зрачки Линь Хэна сузились:

— Ты...

Спустя долгое мгновение он, кажется, вспомнил. То прошлое, которое стоило ему здоровья и долгой жизни, не было совсем уж мрачным. Там был маленький мальчик, который, дрожа от страха, из последних сил пытался его спасти. Линь Хэн помнил его все эти годы.

Он думал, что они никогда больше не встретятся. Но спустя двенадцать лет, преодолев время и пространство, они столкнулись здесь, в городе С.

Линь Хэн быстро взял себя в руки, но его взгляд заметно смягчился:

— Так это был ты.

Юноша перед ним был ослепительно ярок — совсем не похож на того щуплого ребёнка. Но глаза остались прежними: чистыми, ясными, не запятнанными мирской суетой. Оказывается, он ничего не забыл. Неудивительно, что этот голос казался таким знакомым.

Тогда, двенадцать лет назад, Линь Хэн прислал деньги и решил больше не появляться. С одной стороны, он не хотел втягивать ребёнка в опасные дела своего клана. С другой... те травмы, что свели его в могилу, он получил, защищая того мальчика, когда похитители хотели избавиться от свидетеля. Линь Хэн предпочёл уйти, чтобы тот «маленький взрослый» не винил себя, не знал, какой ценой досталось спасение. И вот теперь, двенадцать лет спустя, ребёнок вырос. И его глаза сияют так же ярко, как и тогда.

Раз уж он молчал тогда, Линь Хэн не собирался говорить об этом и сейчас.

— Не думал, что спустя двенадцать лет мы встретимся при таких обстоятельствах.

Чанцин заметил, как Линь Хэн на мгновение погрузился в свои мысли. Он не торопил его. Теперь, когда он нашёл его, у него было достаточно времени, чтобы вернуть его тело в идеальное состояние. В этой жизни он не позволит ему уйти так рано.

— Так ты согласен на пари? — спросил Чанцин и, боясь отказа, добавил: — Ты сам сказал, что органы отказывают и выхода нет. Если так, то почему бы не дать мне шанс?

Линь Хэн долго смотрел на него. Будь на месте Чанцина кто-то другой, он бы даже слушать не стал. Он не хотел, чтобы кто-то видел его немощным в последние дни. Но, глядя в полные ожидания глаза юноши, мужчина неожиданно для самого себя кивнул:

— Хорошо. Если через три дня Цзян Чао очнётся, я позволю тебе лечить меня.

Нин Чанцин просиял и протянул руку:

— В таком случае, договорились.

Линь Хэн помедлил, но всё же скрепил договор крепким рукопожатием.

Закончив процедуры, Нин Чанцин покинул поместье вместе с семьёй Не. Старейшина Линь провожал их взглядом, пока машина не скрылась за воротами.

— Сынок, — тихо спросил он Линь Хэна. — Как думаешь, Цзян Чао и впрямь очнётся?

Линь Хэн долго смотрел вдаль.

— Да, — уверенно ответил он, хотя и сам не знал, откуда взялась эта вера.

Отец удивлённо посмотрел на него:

— Ты не винишь меня за то, что я пустил в дом незнакомца?

Линь Хэн промолчал. Лишь когда старик уже решил, что ответа не будет, сын произнёс:

— Раз господин Нин сказал, что он очнётся — значит, так и будет. Он не из тех, кто лжёт.

Так же, как двенадцать лет назад, когда тот ребёнок, прыгая в окно, пообещал вернуться за ним. И он вернулся.

В машине Старый господин Не поинтересовался у Чанцина:

— Ну как, господин Нин, оказался этот Линь Хэн тем, кого вы искали?

Чанцин решил промолчать. Линь Хэн не хотел огласки, и он уважал это желание.

— Нет, — покачал он головой.

Старый господин Не облегчённо вздохнул: «Ну конечно, разве может такой здоровый с виду парень быть при смерти?» Но, боясь расстроить юношу, добавил:

— Не расстраивайтесь. Это только начало, мы продолжим поиски.

Чанцин поблагодарил его. Ему не хотелось обременять старика, но если он сейчас скажет прекратить поиски, тот сразу догадается, в чём дело. Раз уж он вылечил Не в обмен на услугу, пусть поищут ещё немного для вида.

Вернувшись в отель, Чанцин попросил Не Сюя больше не возить его к семье Линь — он решил добираться сам, тем более что график съёмок мог измениться в любой момент.

Вечером снова объявился режиссёр. Его интересовало, умеет ли Нин Чанцин кататься на лыжах.

Юноша усмехнулся: кажется, он понял, что ждёт их завтра. «Умею», — отстучал он в ответ.

Режиссёр с облегчением выдохнул.

— Ну что стоишь? — рявкнул он продюсеру. — Бронируй билеты! Сейчас обзвоню остальных. Старая площадка — в утиль, не хватало нам ещё одного ЧП. Раз за день не исправили, будем менять программу.

Так выбор пал на горнолыжный курорт. Оказалось, что все пять звёзд шоу умеют стоять на лыжах. Насчёт Чанцина режиссёр сомневался, но после его успехов на скачках он начал верить, что этот парень умеет всё.

На следующее утро, в четыре часа, участники уже были в аэропорту. К семи часам зрители, как обычно, припали к экранам, но увидели лишь занавешенные окна автомобиля.

Вскоре машина остановилась, и камера показала то, что ждало героев в пятом туре. Экран

заполнили ослепительно белые снежные склоны. Горные хребты уходили в небо, утопая в пушистых облаках. Зрители онемели.

[Ничего себе! Разве в городе С бывает снег в августе? У меня галлюцинации?!] [Ребята, вы вчера перегрелись без кумиров? Это же явно сюрприз от шоу! Мы уже не в городе С!] [Вау, круто! Прощаю им вчерашний прогул! Не терпится увидеть Нин-бао на лыжах!] [Пфф, некоторые фанаты слишком много на себя берут. А ваш „бао“ хоть лыжи-то видел? Как бы не опозорился.] [Завидуйте молча. Забыли, как вас умыли со скачками?]

Хейтеры прикусили языки. После того как Чанцин одной рукой вытянул лошадь, сомневаться в нём было опасно для репутации. Тем временем в чате трансляции началось настоящее безумие. Фанаты, пришедшие после вчерашних новостей, не стеснялись в выражениях.

[А-а-а! Муж! Любимый!] [Бесстыдницы, это мой муж! Уберите руки!] [Молчать, я первая жена! Вам меня не переспорить!] [Да не спорьте вы, я главная жена! Ха-ха-ха!] [Размечталась!]

Остальные зрители были в шоке: «Откуда взялась эта толпа? Мы тут приличные люди, а они сразу „мужа“ делят!»

Участники вышли из подъемника. Режиссёр распорядился раздать экипировку.

— Пятый тур мы проведём по старой схеме — парами. Все вы умеете кататься, так что обойдёмся без уроков. Нас ждут три заезда, от простого к сложному. Первый раунд — эстафета. Первый участник пары проходит трассу, на финише передаёт эстафету второму. Победит та пара, чьё общее время будет минимальным.

Началась жеребьёвка. Линь Шицзэ стоял рядом с Чанцином. После инцидента на скачках он окончательно порвал с Си Цинхао. Тот сегодня даже не пытался подойти, но Шицзэ всё равно ловил на себе его тяжёлые взгляды.

«Только бы не с ним, только бы не с ним», — молил Шицзэ.

Но судьба распорядилась иначе. Линь Шицзэ и Си Цинхао оказались в одной паре. Цзи Юйцзин и Сун Тин — во второй. Нин Чанцин и Дуань Хао — в третьей.

Режиссёр и съёмочная группа переглянулись. Это был подарок небес для рейтингов — поставить Нин Чанцина в пару к его бывшему!

[Бедный Шицзэ... и бедная моя деточка Нин-бао...] [Боже, Дуань-сволочь же специально сольёт заезд ради своего Цинхао!] [Точно! Этот подонок на всё пойдёт ради своего „чая“!]

В Weibo тут же взлетел тег: #Скажи, если после расставания ты снова окажешься в одной группе с бывшим, что ты будешь делать?#

Си Цинхао не верил своей удаче. Мало того что он снова в паре с Шицзэ, так ещё и Дуань Хао может помочь ему победить. Он всё ещё жалел последний «Золотой палец», а тут такой шанс изменить отношение Линь Шицзэ к себе без всякой магии!

Дуань Хао, проходя мимо Чанцина, вспомнил утреннюю просьбу Си Цинхао. Он решил, что это его звёздный час. Он должен показать, на что способен, помешать Чанцину и порадовать А-Хао. А что до чести... Он уже столько раз позорился, что одним разом больше, одним меньше — какая разница?

Но почему-то в голове всплыл вчерашний сон. Ему снилось, что он стоит перед рестораном, входит внутрь и сталкивается с кем-то. Он поднял голову, но лица не увидел. Лишь бешено колотящееся сердце напоминало об этом ощущении после пробуждения.

«Это был А-Хао, — убеждал он себя. — Сердце ныло только из-за него. Больше никому...»

Участники поднялись на старт. На финише их ждали судьи с флагами цветов команд. Команда Чанцина была в красно-белом, команда Цзи Юйцзин — в фиолетовом, а Шицзэ и Си Цинхао — в синем.

Чанцин поставил Дуань Хао первым. Тот кивнул, готовясь к старту. Зрители затаили дыхание. Фанаты Чанцина молились, чтобы подонок не подвёл их кумира.

Режиссёр дал отмашку. Тройка сорвалась с места. Все трое неплохо владели лыжами, но давно не практиковались, поэтому шли почти вровень.

Дуань Хао планировал сперва притормозить, но, набрав скорость, понял, что лыжи его не слушаются. Он лихорадочно пытался сбросить темп палками, но от волнения забыл все приёмы. На середине склона он с ужасом заметил, что обходит Си Цинхао.

Финиш был уже близко. Дуань Хао стиснул зубы и... намеренно завалился на бок. «Если я упаду, — думал он, — заезд не засчитают, и А-Хао выигрывает время!»

В его голове был только Си Цинхао. Ради него он был готов на всё. Тот был его единственной любовью.

Но скорость была слишком высокой. Дуань Хао не рассчитал траекторию, и его не просто занесло — он кубарем покатился вниз, поднимая облака снежной пыли. Удар был страшным. При падении он всем весом навалился на грудь. В этот момент мужчина услышал отчётливый

хруст — это раскололся его драгоценный амулет, подарок Си Цинхао.

<http://bllate.org/book/15353/1421369>